

АРТХРОНИКА

№ 5-6/2006

ARTCHRONIKA

РУССКИЕ АРТ-ДОЛЛАРЫ

«ЗНАК ДОЛЛАРА»
ЭНДИ УОРХОЛА
ПРОДАН В 2006 ГОДУ
НА CHRISTIE'S
ЗА \$4,5 МИЛЛИОНА
НЕИЗВЕСТНОМУ
РУССКОМУ
КОЛЛЕКЦИОНЕРУ

ISSN 1607-3983

9 771607 398005 >

Я сам себя вдохновляю

«Искусство есть везде, но не во всем» — утверждает рекламная перетяжка в центре Москвы. Это не ребрединг очередной сотовой сети и не реклама элитного жилья. Швейцарский художник *Патрик Митран* использует общественные пространства для репрезентации своих идей.

Вы пришли в искусство из большого бизнеса.

Я полностью посвятил себя искусству десять лет назад, до этого оно было моим хобби: я коллекционировал искусство и только иногда работал как художник. Но в основном я занимался бизнесом, а на занятия искусством у меня просто не оставалось времени.

Если не секрет, что это был за бизнес?

Я был генеральным директором автомобильного концерна Lamborghini, затем занимался недвижимостью, к тому же у моей семьи был бизнес в Африке. Но свое свободное время я проводил в творческой среде и понимал, что именно это — мое. В какой-то момент я освободился от своих деловых обязательств и сказал себе: «Все мое время отныне принадлежит тому, что я хочу делать, и тому, что мне нравится. Искусству».

Участвовали ли вы в разработке дизайна Lamborghini Diablo?

Да, участвовал. Правда, сам не рисовал, но к моим идеям прислушивались. Lamborghini — это действительно предмет искусства, синтез технического и художественного совершенства. Можно сказать, что я и сейчас занимаюсь тем же самым: делаю высокотехнологичное искусство.

Кроме всего прочего вы пробуете себя в скульптуре. Какова, по вашему мнению, функция современной скульптуры в общественном пространстве?

Скульптура сегодня — это то, что наиболее доступно и находится в непосредственном контакте со зрителем. Когда зритель приходит в музей или га-

лерею, он, как правило, находится в зависимости от обстановки, она его к чему-то обязывает. В общественном пространстве все наоборот — такая скульптура вызывает самые неподдельные чувства и спонтанные реакции.

Вы работаете в различных техниках — живопись, фотография, видеоинсталляция, скульптура. Есть ли у вас ориентиры в художественном мире? Можете ли вы сказать, что вас кто-то или что-то вдохновило — Макс Эрнст, Уорхол, Нам Джун Пайк, Photoshop?

У меня несколько иной подход к творчеству. Я не являюсь концептуальным художником, считаю себя абсолютно независимым от современных течений, концепций и мод в искусстве. Меня интересует эстетическое и эмоциональное самовыражение, именно этим я хочу поделиться со своим зрителем. Конечно, есть художники, которых я люблю, но нет таких, кто бы меня вдохновлял. Я сам себя вдохновляю, возможно, потому, что живу в швейцарской глуши, не окружен бомондом. Если бы я жил в Нью-Йорке, не исключено, что мог бы испытывать влияние друзей, других художников, вошел в какое-нибудь течение. Мое искусство — это я и мои ощущения.

Вы впервые в Москве?

Впервые я приехал сюда в эпоху Горбачева. Меня пригласили работать над фильмом по роману Достоевского «Преступление и наказание». Я написал к нему музыку, всегда интересовался электронной музыкой. Мне было чуть больше 20, когда я приехал в Берлин, где в то время рождалась электроника. Я познакомился и подружился с несколькими музыкантами. Естественно, что вскоре у меня возникло желание сочинять и играть музыку самому. Я изобрел собственную технику исполнения, но нуждался в специальной аппаратуре. Мне сказали, что только один человек в мире мне может помочь. Так я познакомился с Андреасом, который вот уже 24 года занимается техническим обеспечением моих проектов.

А потом вы наверняка увлеклись фотографией, а после — живописью... Откуда это стремление к универсальности?

Все было не совсем так. Я рисовал с детства. Потом я действительно увлекся фотографией, а уже потом музыкой. Благодаря электронной музыке я гораздо раньше, чем многие другие художники, начал использовать компьютер, графические редакторы и 3D-проекции, которые привели меня к появлению первых видеоработ. И таким образом я пришел к этой универсальности. К тому же я полагаю, что будущее искусства связано с развитием новых технологий. Уже появились электронная бумага, мягкие экраны. Карти-

на и живопись в современном понимании этого слова скоро станут неактуальными. Появятся подвижные интерактивные изображения, которые можно будет изменять по своему усмотрению.

Тем не менее в живописи вы предпочитаете архаичную технику энкастики.

В фотографии и видео я — открытый всему новому экспериментатор, я обожаю технические новинки. Но в живописи я верен этой древней и трудоемкой технике. Когда смотришь на энкастическое произведение, создается впечатление, что у него нет возраста. Оно может быть сделано как тысячу лет назад, так и вчера.

Во многие ваши живописные работы интегрирован текст. Какова его функция в ваших произведениях: орнаментальная или, наоборот, смыслообразующая?

То, что вы видите сейчас на моих картинах, — религиозно-философские размышления одного еврейского писателя, который жил в Польше перед Второй мировой войной. Я почувствовал вневременность его произведений: эти философские сказки могли бы быть и напечатаны в сегодняшней газете, и написаны во времена царя Соломона. Еще меня поразило то, что в них рассказывается о людях, которые за несколько лет были стерты с лица земли.

Но тексты появляются не только на этих картинах. Сегодня на улицах Москвы можно увидеть перетяжки, на которых вместо обычных рекламных сообщений можно увидеть по-

священные искусству афоризмы. Это ваш проект. Почему для его репрезентации вы выбрали именно Москву?

Мне очень интересен этот рынок, я считаю его весьма перспективным.

В таком случае, как воспринимать этот проект? Как рекламу вашей деятельности или как обращение к социуму?

Идея этого проекта пришла мне в Нью-Йорке. У американских дилеров, галеристов и художников наблюдается абсолютное отсутствие простоты восприятия и юмора. Даже если предмет искусства является забавным, смешным и не располагает к серьезному отношению, к нему все равно относятся чрезмерно серьезно (естественно, это также связано с очень высокими ценами на рынке искусства). И поэтому в Америке невероятно скучно — артистический мир превратился в завод по производству идей и произведений. Я хотел привнести каплю юмора на нью-йоркские улицы. Потом я показывал этот проект в Венеции.

То есть в то время как многие ваши коллеги относятся к своему творчеству как к бизнесу, инвестиционному проекту, вы выступаете за творческую свободу?

Вы правильно поняли. Я занимаюсь искусством не для того, чтобы зарабатывать деньги, а для того, чтобы выразить себя. В противном случае я остался бы в семейном бизнесе.

Большая часть моих выставок проходила в музеях и общественных пространствах. Но в России довольно сложно показать свое искусство. Если в следующем году ГМИИ им. А. С. Пушкина откроет для меня двери, я с удовольствием выставлюсь там.*